Osaka University Knowledge Archive

Title	Профессор Е.Г.Спальвин и журнал "Восточная студия"
Author(s)	Дыбовский, А.С.; Моргун, З.Ф.
Citation	言語文化研究. 2013, 39, p. 175-196
Version Type	VoR
URL	https://doi.org/10.18910/24699
rights	
Note	

Osaka University Knowledge Archive : OUKA

https://ir.library.osaka-u.ac.jp/

Osaka University

Профессор Е.Г.Спальвин и журнал “Восточная студия”

Дыбовский А.С., Моргун З.Ф.

スパルヴィン博士と『東洋スタジオ』という雑誌

A. ディボフスキー，Z. モルグン

要旨：E.G. スパルヴィン博士は，極東ロシアの最初の大学である東洋学院の伝統を受け継いだ国立極東大学の東洋学部における日本学の中心的な人物であった。1917 年革命後の内戦中の国立極東大学の一番困難な時期である 1922 年の 10 月に G.V. ポドスタヴィン学長がロシア国外へ逃亡した時，E.G. スパルヴィン博士は国立極東大学の学長の任務を背負い，国立極東大学をソビエト政権に従属させ，大学創業の回復を図った。しかし 1923 年，政治的な要因などにより同氏は, 学長や東洋学部長のポストから退けられた。1925 年の四月にウラジオストクを去り，在日ロシア大使館での新職に就くまでの E.G. スパルヴィン博士の国立極東大学における東洋学関連の営みの一つは，東洋学部の雑誌『東洋スタジオ』の刊行であった。本稿は，1920 年代の沿海地方の社会政治状況や国立極東大学における日本学の動向を背景に上記の雑誌の内容を分析し，本誌の編集にかかわる E.G. スパルヴィンの活躍，その論文や記事の内容を考察するものである。

Ключевые слова: востоковедение; Е.Г. Спальвин; «Восточная студия».

Введение

«Восточная студия» – журнал, издававшийся восточным факультетом Государственного Дальневосточного ун-та (далее ГДУ[1)]) в 1924-1925 гг. В библиотеках и музеях Владивостока нами было обнаружено 22 номера этого издания. Журнал выпускался под общей редакцией проф. Е.Г. Спальвина, который также был составителем всех указанных номеров кроме № 3 и № 10, составленных и отредактированных соответственно А.В. Гребенщиковым и Н.В. Кюнером.

Вышеуказанному востоковедному журналу посвящена статья известной исследовательницы японо-российских отношений М. Икута (Икута, 2009)[2)], которая в своей публикации дает краткую характеристику издания. М. Икута рассматривает вопросы преемственности между Восточным институтом и восточным факультетом ГДУ, отмечает исключительную роль Е.Г. Спальвина в создании журнала и называет его «несущей опорой» (大黒柱) издания. М. Икута указывает имена авторов, редакторов и технических работников редколлегии журнала и классифицирует публикации

первых шести номеров «Восточной студии» по 4 разделам: 1) редакционные; 2) востоковедение; 3) японоведение; 4) китаеведение. Кратко остановившись на общих вопросах издания журнала, М. Икута уделяет особое внимание анализу ответов представителей советской общественности на анкету редколлегии журнала о задачах востоковедения в советскую эпоху. В своей статье М. Икута справедливо указывает на преобладание в журнале японоведческой проблематики, резонно связывая этот факт с профессиональными интересами Е.Г. Спальвина. Из-за ограниченности формата своей статьи японская исследовательница практически не касается содержательной стороны публикаций. Поэтому мы постараемся по мере сил заполнить этот пробел, остановившись сначала на социально-политической обстановке в Приморье и его столице в первые годы советской власти как важнейшем факторе функционирования ГДУ и его восточного факультета, а также на академической и общественной деятельности Е.Г. Спальвина в последние годы его пребывания во Владивостоке.

1. Ситуация в Приморье в первые годы советской власти

Миновали годы Гражданской войны и иностранной интервенции, когда Владивосток приобрел черты иностранного города, неоднократно ввергавшегося в состояние хаоса из-за смены правительств и политических режимов, и когда через этот приморский город шел интенсивный поток беженцев, направлявшихся через Харбин и Шанхай в Европу, Америку или Австралию. Положение Владивостока как перевалочного порта на Тихом океане, конечного пункта Транссибирской магистрали, центра дислокации войск интервентов разных стран предопределило своеобразие бытового и политического уклада города в 1918-1922 гг. Он пережил в этот период феноменальный рост. За четыре года население города увеличилось в пять раз, и это во многом объясняет тенденцию повышения культуры и творческой энергии его жителей. На берега бухты Золотой Рог как бы переместился новый город с населением в 300 тыс. человек. Немалую часть приезжих составляли артисты, литераторы, музыканты, профессора, журналисты, художники[3)].

25 окт. 1922 г. в город вступила Народно-революционная армия, и войска японских интервентов покинули город. Вернулась в Японию и основная часть японской колонии. Из почти 6 тыс. японских подданных, проживавших здесь ранее, в городе оставалось около восьмисот, не пожелавших бросить свой бизнес или работу. Обстановка в городе кардинально изменилась. Многие из уцелевших иностранных фирм или ликвидировались, или переходили на работу в новых политических и экономических условиях. Крупные японские торговые и производственные фирмы постепенно сворачивали свою деятельность.

И в первые годы советской власти Владивосток по-прежнему оставался оживленным перекрестком культур и цивилизаций, с неискорененными еще приметами старой эпохи и отголосками Гражданской войны: «В Амурском заливе и бухте Золотой Рог было много китайских и корейских

шаланд, на улицах можно было увидеть китаянок с изуродованными маленькими ножками. Работали нелегально опиекурильни, ночлежки, процветала контробанда... По краю гуляли банды хунхузов и не успевшие перебраться в Маньчжурию остатки местных белогвардейцев»[4)].

После установления советской власти в Приморье консульство во Владивостоке оставалось единственным японским консульством в России. Японское правительство не стало его закрывать, поскольку оно занималось делами японцев, проживавших на Дальнем Востоке, включая Владивосток. Кроме того, консульство осуществляло анализ политической ситуации в России и вело наблюдение за антияпонским движением в среде проживавших в Сибири корейцев. 16 февр. 1923 г. консулу Р.Ватанабэ было объявлено о полном прекращении почтового сообщения с Японией; 13 апр. консульство Японии было лишено права пользования шифром.

Вскоре после смерти В.И. Ленина 27 янв. 1924 г. обстановка в городе стала еще более напряженной. Не хватало продуктов питания и бытовых товаров. Была введена карточная система распределения продуктов. Началась охота за теми, кто в годы революции и Гражданской войны был не на стороне большевиков, в частности – за максималистами[5)]. Ночью по городу разъезжали автомобили спецорганов. ГПУ арестовывало всех подозреваемых, городская тюрьма была переполнена.

К марту 1924 г. давление на японцев во Владивостоке со стороны советских властей еще более ужесточилось, теперь не гарантировалась даже их безопасность. Все почтовые отправления из Японии отсылались обратно. Закрылись японские магазины. Работали лишь маленькие грязные лавки, которые держали китайцы в районе Миллионки. Но уже малочисленная к тому времени японская колония продолжала существовать. Японский буддийский храм по-прежнему опекал своих сограждан. В японской начальной школе обучалось около 20-ти японских детей. Сохранились и некоторые японские заведения, например, фотоателье, гостиница, нелегальные публичные дома[6)]. Продолжали функционировать Владивостокское отделение торгового дома «Судзуки-сётэн», банк «Тёсэн-гинко», представительство регулярных пароходных линий «Сёсэн-гуми».

Ситуация несколько смягчилась после того, как 20 янв. 1925 г. была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических республик и Японией (Пекинская конвенция).

2. Е.Г. Спальвин и ГДУ в первой половине 1920-х гг.

С момента своего создания и до середины 1920-х гг. ГДУ постоянно находился в критическом, если не в бедственном положении. Из-за нехватки финансовых и материалных средств, аудиторий и лабораторий, а также поспешного отъезда за границу ряда преподавателей и, особенно, из-за непоследовательной политики советской власти в области вузовского образования ГДУ и его коллектив постоянно лихорадило. Только в 1923 г. дважды осуществлялась реорганизация университета: финансовые, кадровые и прочие проблемы вузовского образования советская власть пыталась

решить за счет объединения вузов. В начале года в состав ГДУ вошли Политехнический институт и Педагогический институт им. К.Д. Ушинского, а в июле был решен вопрос о слиянии ГДУ и Читинского университета, в результате чего в сент. 1923 г. в ГДУ появились новые факультеты, а также студенты и преподаватели из Читы[7)]. В связи со структурной перестройкой университета в 1923/24 г. учебные планы по преподаваемым дисциплинам отсутствовали вовсе, в следующем 1924/25 г. неоднократно корректировались, и только в 1925/26 г. было положено начало их стабилизации[8)].

В 1919-1920 гг. Е.Г. Спальвин был одним из активных членов комиссии Восточного института по созданию во Владивостоке университета. Хорошо понимая важность востоковедения для успешного развития российского Дальнего Востока, он настаивал на предоставлении восточному факультету (в который должен был трансформироваться Восточный институт) особого статуса в составе нового университета, выступал за сохранение всех служебных прав его сотрудников, за закрепление за восточным факультетом всех учебно-вспомогательных учреждений – библиотеки востоковедной литературы, музеев, фонетического кабинета, студенческого общежития, типографии и т. д. Но в тяжелейших условиях Гражданской войны все вышло иначе: университет был создан за счет ресурсов Восточного института. Избранный деканом восточного факультета Е.Г. Спальвин стал демонстративно саботировать работу вышестоящих органов учрежденного университета, и ректору ГДУ Г.В. Подставину пришлось потратить немало усилий для того, чтобы переломить создавшуюся ситуацию и наладить отношения между факультетами, а также между Е.Г. Спальвиным и руководством университета.

В окт. 1922 г. в связи с отъездом за границу первого ректора ГДУ Г.В. Подставина Е.Г. Спальвин взял на себя бремя ректорства в наиболее трудное для ГДУ время. После восстановления советской власти в Приморье Е.Г. Спальвин был назначен новой администрацией временно исполняющим обязанности ректора ГДУ и со свойственной ему энергией принялся за восстанавление работы университета. Однако уже во второй половине января 1923 г. Евгений Генрихович был вынужден передать дела назначенному ректором ГДУ профессору В.И. Огородникову (бывшему ректору Читинского ун-та), а 17 марта 1923 г. Е.Г. Спальвин был смещен и с должности декана восточного факультета, на которую Правление университета назначило более покладистого и лояльного проф. А.В. Гребенщикова.

Во Владивостоке Е.Г. Спальвин жил и работал в окружении значительного числа интеллигентных и образованных японцев, интересы которых во многом совпадали с его собственными интересами[9)]. Осенью 1922 г. уехал в Японию редактор и издатель газеты «Урадзио Ниппо» Идзуми Рёносукэ, с которым Е.Г. Спальвин был дружен на протяжении 20 лет владивостокской жизни. С 1920 г., когда стал издаваться русскоязычный вариант газеты, Е.Г. Спальвин нередко переводил на

русский язык газетные передовицы, многие их которых были написаны Р. Идзуми.

В годы Гражданской войны и иностранной интервенции во Владивостоке работали корреспонденты нескольких иностранных информационных агентств. Среди них был и будущий создатель японской фирмы «Наука» Отакэ Хирокити. Он приехал во Владивосток с целью совершенствования в русском языке, поступил в Восточный институт и сделался ассистентом проф. Е.Г. Спальвина по кафедре японской словесности. Х. Отакэ являлся также сотрудником газеты «Урадзио Ниппо». После отъезда Х. Отакэ в Москву в качестве лектора восточного факультета ГДУ его сменил Хироока Мицудзи. М. Хироока прибыл во Владивосток в 1919 г., и, выполняя обязанности спецкора, возглавил представительство информационного агентства «Тохо цусинся»[10)].

В 1920 г. Е.Г. Спальвин овдовел. Он жил с тремя детьми в здании Восточного института. 29 сент. 1922 г. за 11 дней до своего 50-летия Евгений Генрихович женился на Елизавете Александровне Маэда (японское имя Маэда Каору; уроженка Верхнеудинска Забайкальской области, православная, 1880 г. рожд.).

Е.Г. Спальвин пользовался большим авторитетом в городе и крае. Кроме преподавательской деятельности на восточном факультете ГДУ он вел большую общественную работу. В середине 1923 г. Е.Г. Спальвин был приглашен к сотрудничеству редакцией газеты «Красное Знамя», весной 1923 г. был избран председателем оргбюро Владивостокского подотдела Дальневосточного отдела Всероссийской научной ассоциации востоковедения, под эгидой которой он издавал информационный бюллетень ВНАВ «Новый Дальний Восток». В апреле 1924 г. представители общественности и госучреждений единогласно избрали Евгения Генриховича председателем губернского отдела Общества содействия жертвам интервенции, по линии которого Е.Г. Спальвин вел большую лекционную работу[11)].

После подписания «Конвенции» культурные связи между Советским Союзом и Японией начали стремительно развиваться, и во второй половине апреля 1925 г. Е.Г. Спальвин был направлен в Японию в качестве сотрудника полпредства и представителя ВОКСа[12)].

3. Востоковедение в ГДУ и журнал восточного факультета

В первые годы после преобразования Восточного института в восточный факультет ГДУ, санкционированного Приморской областной земской управой 17 апр. 1920 г., содержание обучения студентов на факультете принципиально не изменилось. Были учреждены четыре отделения – китайское, японское, монгольское и краевое с подотделами[13)]; студентам предлагались три основные специальности – историко-филологическая, общественно-правовая и общественно-экономическая с более дробным делением по секциям[14)]; с 3-его курса осуществлялась дифференцированная подготовка студентов, готовящих себя к практической либо научно-исследовательской деятельности (для последних в виде эксперимента вводился 5-й курс)[15)]. Удалось даже создать новые кафедры

(тибетской словесности; истории языка и культуры Индии; политики, законодательства и экономического строя народов Восточной Азии)[16], а также на некоторое время сохранить журнал «Известия Восточного института», который стал издаваться под названием «Известия Восточного факультета». Его издание завершилось в 1921 г. публикацией в 3-ем вып. 66-го тома статьи Н.П. Мацокина «Японский миф об удалении богини солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия»[17]. С приходом советской власти типография была переключена на издание «Трудов ГДУ», где для восточного факультета была учреждена специальная серия (VI-ая), но все же в первую очередь издавались работы технического и агрономического факультетов, непосредственно связанных с решением практических задач развития народного хозяйства края. Поэтому учреждение факультетского журнала стало для восточного факультета актуальной задачей.

И при советской власти благодаря «старой» профессуре восточному факультету удалось сохранить традиции Владивостокской научно-практической школы востоковедения. Студенты попрежнему изучали восточные языки во всем многообразии их книжных и разговорных стилей, а также географию, историю, экономику, право, основы общественно-политического строя и культуры стран изучаемого языка.

В Восточном институте Е.Г. Спальвин долгое время с помощью японских лекторов один вел все курсы по кафедре японской словесности. В ГДУ ситуация изменилась. Е.Г. Спальвину удалось создать коллектив талантливых японоведов из своих лучших учеников. В начале 1920 гг. практические занятия по японскому языку вели Н.П. Мацокин, Т.С. Юркевич, П.С. Ануфриев.

Н.П. Мацокин в 1920-е гг. был сложившимся ученым-востоковедом широкого профиля, опубликовавшим ряд работ по этнографии народов Востоной Азии, экономике и политике, истории культуры Японии и Китая[18]. Т.С. Юркевич в 1923 г. опубликовал «Пособие к изучению разговорного японского языка для начинающих» (Владивосток: Губернская гостипография), а в 1925 г. книгу страноведческого характера «Современная Япония» (Владивосток: «Книжное дело»). «Пособие для изучения японского книжного языка» Ч. 1. П.С. Ануфриева было опубликовано во Владивостоке в 1928 г. В соответствии с приказом Дальревкома от 12 февр. 1923 г. научной сотрудницей кафедры японской словесности стала Елизавета Александровна Спальвина[19].

Евгений Генрихович кроме обзорных лекционных курсов «Государственное устройство Японии и японоведение», «Введение в изучение японского языка» вел занятия по каллиграфии и свободному разговору; проф. Н.В. Кюнер обеспечивал лекционный курс «Географический обзор Восточной Азии», проф. А.В. Гребенщиков – «Политический и экономический обзор Маньчжурии»; в чтении курса лекций «Этнография Дальнего Востока» принимал участие и знаменитый краевед и путешественник В.К. Арсеньев[20]. Студентам востфака стали преподаваться и новые политизированные курсы, такие как «Капитализм и пролетарская революция», «Политический строй СССР»,

«Исторический материализм»[21)].

С 1923 г. кафедру экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна возглавил выдающийся японовед – К.А. Харнский; библиографией Японии занимался талантливый краевед, библиограф и японист З.Н. Матвеев. В 1924 г. на кафедру японской словесности был зачислен Н.П. Овидиев, ставший в 1932 г. ее последним заведующим и опубликовавший в 1926 г. первую в отечественной японистике работу по стилистической дифференциации японского языка.

Итак, можно сказать, что востоковедение в ГДУ в 1920-е годы имело большой потенциал. Поэтому создание собственного печатного органа для факультета было актуальной задачей.

4. «Восточная студия»: общая характеристика

О концепции журнала «Восточная студия» можно судить по заметкам редактора и, особенно, по «Извлечению из Временного положения об издании «Восточной студии»», опубликованному в третьем номере журнала. Из редакционной статьи о задачах журнала «Восточная студия», которой открывается первый выпуск, следует, что журнал был предназначен прежде всего для того, чтобы «обслуживать востоковедные нужды восточного факультета ГДУ», отражая «в себе научно-учебную жизнь факультета и постепенный ход развития достижений востоковедения»; кредо журнала состояло в том, чтобы стать «неотступным спутником прежде всего молодого поколения грядущих востоковедов ... на пути их к достижению идеалов практического востоковедения»[22)]. В соответствии с пафосом революционной эпохи редколлегия журнала «Восточная студия» ставила «первичной своей задачей крепить связь между наукой и жизнью» и воспитывать «молодых красных востоковедов, готовых на беззаветную работу внутри и вне страны ... по проведению в жизнь ... идеалов ... рабоче-крестьянской республики»[23)].

Выписка из протокола № 43 заседания Правления государственного Дальневосточного университета, опубликованная в третьем номере «Восточной студии», свидетельствует, что 23 авг. 1924 г. Правление ГДУ признало возможным издавать востоковедный бюллетень «Восточная студия» на средства, отчисляемые из бюджетов кабинетов востфака с введением в журнале разделов, соответствующих названиям кабинетов. Профильные кабинеты были созданы при основных кафедрах востфака в ходе начатого в 1923 г. реформирования учебных планов и учебного процесса в связи с «новой постановкой дела научно-практического изучения языков стран Дальнего Востока, их физической и политической географии, этнографии, экономики, истории, политики и права»[24)]. В авг. 1924 г. профильные кабинеты существовали на 4 из 18 кафедр востфака, в частности: китаеведения, японоведения, истории и культуры Восточной Азии, экономики и политики Восточной Азии и СССР. В условиях дефицита информации о странах Дальнего Востока кафедральные кабинеты, снабженные необходимой литературой, наглядными пособиями, картами, а также предметами быта восточных народов и музейными экспонатами, были призваны координировать аудиторную

и самостоятельную работу студентов, связывать ее с практической деятельностью специалистов из Народного комиссариата иностранных дел, Внешторга и прочих организаций и тем самым повышать эффективность учебной работы и учебную мотивацию студентов. Кабинеты становились местом проведения консультаций, а также самостоятельной творческой работы студентов по заданиям преподавателей, тематике студенческих научных кружков, а также по запросам частных лиц и организаций на переводческие услуги, составление справок и докладов экономического, правового, исторического, географического или библиографического характера[25)]. Кабинеты стали необходимой площадкой для осуществления входившего в моду «бригадно-лабораторного метода»[26)] учебы, претендовавшего в середине 1920-х гг. на роль «прогрессивного» заменителя лекционного метода. Таким образом, кафедральные профильные кабинеты решали 1) учебно-научные, 2) показательно-музейные и 3) произвозственные задачи[27)] и создание на их бюджеты специализированного печатного органа было необходимым звеном создаваемой обучающей системы.

2 сент. 1924 г. состоялось заседание редколлегии «Восточной студии», на котором было принято «Временное положение об издании «Восточной студии»», представленное проф. Е.Г. Спальвиным, в соответствии с которым журнал предназначался для помещения в нем материалов, имеющих «как научное, так и ... учебное значение, с выделением последних в особую учебную серию»[28)]; его издание было решено начать 15-го сентября. После добавления к вышеуказанным четырем кабинетам востфака необходимых для издания журнала кабинетов декана и редакции были сформированы шесть основных отделов журнала, призванных отражать важнейшие результаты деятельности соответствующих кабинетов (КАБДЕК, КАБРЕД, КАБКИТВЕД, КАБЯПВЕД, КАБИСТКУЛЬТ, КАБЭКПОЛ); кроме того учреждались отделы востоковедной хроники и ориентальной библиографии[29)]. Со временем появились и другие отделы журнала: «Хроника Дальнего Востока», «Имена и деятели Дальнего Востока», «Литературный отдел» и проч. (подробнее – ниже). Заведующие вышеуказанными шестью кабинетами должны были выполнять функции редакторов соответствующих выпусков или разделов журнала, а на заведующего кабинетом редактора ложились функции общего редактора (ОБРЕД), обязанности которого на первое полугодие возлагалсь на Е.Г. Спальвина; ему же были поручены переговоры с ГУБЛИТом «и заполнение анкет на предмет осуществления издания»[30)]. Заведующим кабинетом декана стал А.В. Гребенщиков, работой остальных кабинетов руководили заведующие соответствующих кафедр – А.В. Рудаков, Е.Г. Спальвин, Н.В. Кюнер, К.А. Харнский[31)]. В соответствии с установленным бюджетом за год планировалось издать 42 шестнадцатистраничных выпуска журнала: КАБДЕК – 6, КАБРЕД – 12, КАБКИТВЕД – 6, КАБЯПВЕД – 6, КАБИСТКУЛЬТ – 6, КАБЭКПОЛ – 6; еще 6 вып. планировалось издать в учебной серии[32)]. С сент. 1924 г. по март 1925 г. фактически было издано 22 вып., из которых 1 был составлен кабинетом декана, 1 – кабинетом истории и культуры стран Восточной

Азии, 2 – кабинетом японоведения, 18 – кабинетом редакции; кроме того в единственном выпуске учебной серии вышло учебное пособие Е.Г. Спальвина по изучению японской графики «Катакана: 1-я ступень»[33)], содержащее набор заданий по чтению японских слов, записанных азбукой катакана, а также октограммный анализ знаков указанной азбуки.

Из-за материальных затруднений макет журнала готовился на пишущей машинке (формат бумаги А-4 без интервала между строк); при этом фрагменты текстов на восточных языках большей частью вписывась от руки (для набора знаков катаканы и хираганы использовалась японская пишущая машинка), а фотографии и иллюстрации (преимущественно заимствованные из японских журналов) перерисовывались «отделом рисунков во главе с художником А.А. Лейфертом», которому помогали «т.т. Заседателев и Алексеев»[34)]. Сформированный таким образом макет номера затем размножался на ротаторе тиражом в 150 экземпляров. Редакция планировала вскоре перейти к типографскому изданию журнала, что требовало дополнительных финансовых средств, поэтому для формирования бюджета издания кроме отчеслений из бюджетов 4-х кабинетов востфака предполагалось привлечь пожертвования частных лиц, а также доходы от реализации тиража журнала, 100 экземпляров каждого выпуска которого предполагалось реализовывать по фиксированной цене в свободной продаже или по подписке.

Чтобы повысить авторитет издания и продемонстрировать практическую необходимость востоковедения на Дальнем Востоке советской России редколлегия журнала обратилась к общественности Дальневосточного края (в первую очередь к советским, партийным и военным руководителям различного ранга) с официальным письмом, предлагавшим написать «несколько сжатых строк» о том, какое востоковедение необходимо советской республике[35)]. Большая часть полученных ответов (21 из 28), сформулированных различными должностными лицами в духе официальной марксистско-ленинской идеологии и пропаганды, была опубликована в первом номере журнала, придав ему необходимую для официального признания политическую ориентацию.

В «Особом приложении» к объединенному № 13-16 «Восточной студии», датированному мартом 1925 г., редакция с оптимизмом сообщала о перспективах перехода от ротаторного к наборному изданию журнала, а также о том, что «в ближайших номерах «Восточной студии» круг местных и иногородних (ленинградских и московских) ученых сотрудников значительно расширится», в дополнение к существующим отделам журнала появится «Музыкальный отдел», посвященный «воспроизведению образцов музыкального творчества» народов Дальнего Востока, адаптированных для исполнения на отечественных музыкальных инструментах и «снабженных в необходимых случаях текстом на туземном и русском языках»[36)]. Кроме того в указанном выше приложении анонсировался целый ряд готовящихся к изданию учебных пособий: «Образцы японских газетных текстов» Е.Г. Спальвина и П.С. Ануфриева; «Образцы японских текстов по рабочему вопросу»

японского преподавателя М. Хироока; «Образцы японских литературных произведений» проф. Е.Г. Спальвина; «Курс английской деловой корреспонденции» проф. П.Ф. Ливина; объявлялась предварительная подписка на №№ 23-42, издание которых планировалось осуществить в апр.-сент. 1925 г.[37)]. В учебной серии журнала планировалось также издание программ отдельных предметов, читаемых на востфаке ГДУ[38)].

Таким образом, несмотря на многочисленные организационные трудности, редколлегия выполнила общий количественный план издания номеров и выпусков журнала, запланированных на первые шесть месяцев работы и имела перспективную программу совершенствования и развития журнала в 1925 г. Однако после отъезда Е.Г. Спальвина в Японию в апр. 1925 г. издание как научной, так и учебной серий «Восточной студии» прекратилось.

5. «Восточная студия»: анализ содержания

Стремление редакции строго следовать установленным «Временным положением» параметрам издания по количеству номеров и выпусков, их текстовому наполнению (один выпуск изначально равнялся по количеству текста одному печатному листу), а также обязательствами перед подписчиками привело к некоторой путанице в обозначении номеров и выпусков, о котором и сам Е.Г. Спальвин пишет в одном из редакционных комментариев[39)]. Строго говоря, было опубликовано всего 10 отдельных выпусков (отдельных и объединенных номеров) журнала общим объемом 368 страниц, каждый из которых был построен по общей схеме от оглавления и основных публикаций в виде тематических статей до периферийных познавательных материалов типа описания реалий дальневосточых стран, «Хроники Дальнего Востока», новостей мира востоковедения и комментариев к иллюстрациям (См. Приложение 1 на стр. 194-196).

Поскольку «Восточная студия» в настоящее время представляет собой библиографичекую редкость, ниже мы кратко остановимся на каждом из этих 10 отдельных выпусках издания, концентрируя свое внимание на редакционной политике и стратегии составителей журнала, его содержании и оформлении, а также на публикациях Е.Г. Спальвина, который, по-видимому, был основным инициатором издания, генератором редакционной политики журнала, редактором большинства публикаций, а также и самым плодовитым автором «Восточной студии». Кроме работы о японской слоговой азбуке в учебной серии Е.Г. Спальвин за полгода существования журнала опубликовал 12 статей, тематических обзоров газет на восточных языках и заметок общим объемом около пяти условных издательских (печатных) листов, его инициалами подписаны 50 комментариев к рисункам, им был опубликован ряд переводов японской поэзии и прозы, не говоря уже о том, что он был составителем или по крайней мере соавтором писем, анкет, комментариев, рекламных текстов, особых приложений, а также уставных документов, написанных от имени редакции журнала. О чем же рассказывал своим читателям журнал «Восточная студия»?

Объединенный № 1-2 за сент.-окт. 1924 г. начинается редакционной заметкой о задачах «Восточной студии», в которой излагается концепция журнала, указывается его целевая аудитория. По замыслу редколлегии журнал предназначался для молодых востоковедов, в первую очередь – для студентов востфака ГДУ. Он должен был строиться таким образом, чтобы вводить своих читателей в проблематику востоковедных исследований, а также в практику преподавания восточных языков в России и за ее пределами. В рассматриваемом объединенном номере журнала присутствовали «Востоковедные заметки» и другие разделы, ставшие традиционными (подробнее – ниже), однако его изюминкой стали ответы губернских административных, советских, партийных, военных и проч. деятелей на вопрос анкеты редколлегии о задачах советского востоковедения. Эта анкета заставила многих влиятельных людей задуматься о необходимости развития востоковедения на советском Дальнем Востоке и выполнила целый ряд пиар-функций: во-первых, она легализовала издаваемый журнал в глазах губернской власти; во-вторых, сделала ему необходимую рекламу и вписала его в контекст актуальной политической литературы; в-третьих, она открыла широкую общественную дикуссию о задачах и целях востоковедения в новую эпоху. И сам Е.Г. Спальвин, ища ответ на поставленный в анкете вопрос, в 1923 г. опубликовал статью «Грядущее востоковедение»[40)], написаннную на основе доклада, сделанного 4 февр. 1923 г. на публичном мероприятии Владивостокского подотдела ВНАВ. Дискуссия была завершена публикацией письма Е.Д. Поливанова в № 13-16 (см. выше).

№ 3, подготовленный к печати кабинетом декана востфака, был почти полностью составлен из докумантов, регламентирующих работу высшей школы в СССР, информации об организиционной структуре восточного факультета ГДУ и его подразделений, финансовых отчетов, извлечений из протокола № 1 и «Временного положения» об издании рассматриваемого журнала. Из традиционных разделов журнала здесь представлены только «Наши рисунки», которые сопровождаются тремя краткими комментариями Е.Г. Спальвина.

№ 4-5[41)], составленный кабинетом японоведения, представляет собой модельный вариант издания, выполненный точно в соответствии с первоначальным замыслом редколлегии (отражать научную и практическую деятельность кабинетов востфака). Здесь помещены четыре научные статьи по проблемам японоведения, даются списки из десяти тем для рефератов по японскому языку и письменности, а также из двенадцати тем страноведческого характера для кружка японоведения. Разъясняется, что в чтении и обсуждении рефератов и докладов должен принять участие каждый студент 1-го, 2-го и 3-го курсов. Специальная статья Е.Г. Спальвина посвящена описанию наглядных пособий кабинета японоведения. По-видимому, Е.Г. Спальвин ожидал, что подобные выпуски «Восточной студии» будут составлены и другими кабинетами востфака в соответствии с «Временным положением», однако эта работа кроме кабинета японоведения была проделана толь-

ко кабинетом истории и культуры восточноазиатских стран (см. описание № 10), и подавляющая часть выпусков журнала была составлена кабинетом редакции[42)].

№ 6 посвящен проблеме Китая, но он составлялся не кабинетом китаеводения, как это предполагалось по первоначальному плану, а кабинетом редакции. Этот номер открывается вторым бюллетенем востоковедных поступлений библиотеки ГДУ за 1924 г., затем следует продолжение публикации ответов губернских деятелей на анкету редакции о задачах востоковедения. В заметке Е.Г. Спальвина «Руки прочь от Китая» дается обзор политики империалистических держав в Китае и движения солидарности студентов и преподавателей востфака с антиимпериалистической борьбой китайского народа. Далее приводится стихотворение В. Маяковского «Прочь руки от Китая», созвучное по своему пафосу со статьей Е.Г. Спальвина. В статье Н.В. Кюнера «Что читать о Китае» проводится обзор китаеведческой литературы, изданной на русском языке. В новой рубрике «Наши востоковеды» публикуются биографические данные шести выпускников Восточного института.

№ 7-9, сданный в печать 22 янв. 1925 г., начинается статьей А.В. Гребенщикова «К истории нашего востоковедения», написанной в связи с 25-летием владивостокской научно-практической школы российского востоковедения. В своей статье А.В. Гребенщиков проводит обзор развития востоковедения и практического изучения восточных языков в России с конца 16-го по начало 20-го века. В качестве основной задачи советского востоковедения А.В. Гребенщиков провозглашает «освобождение угнетенных народов Востока»[43)]. В центре внимания рассматриваемого объединенного номера Монголия. Реалиям Монголии посвящена большая часть иллюстраций, в статье И.А. Клюкина «Этическая поэзия монгол-бурят» анализируется содержание монгольских пословиц и поговорок; двусторонним политическим и экономическим советско-монгольским отношениям, влиянию Октябрьской революции на социально-политическую ситуацию в Монголии посвящена статья Е.Г. Спальвина «К советско-монгольским отношениям». Кроме традиционных разделов журнала и двух материалов, перепечатанных из «Правды» и «Известий ЦИК» в разделе «Наши востоковеды» публикуются биографические сведения восьми выпускников Восточного института.

№ 10 был составлен кабинетом истории культур Восточной Азии и сдан в печать 5-го февр. 1925 г. Этот номер журнала посвящен исследовательской деятельности японского археолога и этнографа Тории Рюдзо. Специальному заседанию отдела «Человек» Исследовательского института ГДУ в честь тридцатилетней деятельности японского ученого посвящена редакционная заметка; в библиографической статье Е.Г. Спальвина представлена книга Р. Тории «Северовосточная Азия с антропологической и этнографической точек зрения. Сибирь, Северная Маньчжурия, Сахалин» (Токио: Ока сёин, 1924); научной деятельности Р. Тории посвящена специальная статья Н.В. Кю-

нера. Кроме традиционной рубрики «Наши рисунки» в рассматриваемом номере журнала опубликованы тезисы доклада Н.В. Кюнера «Востоковедение и трудящиеся СССР», в котором обосновывается необходимость и практическая полезность изучения Востока с целью «отыскания путей и способов к пониманию помыслов и настроений... трудящихся масс» стран Восточной и Центральной Азии и оказания «поддержки в их стремлении к освобождению от эксплоатации...»[44)].

Объединенный № 11-12, сданный в печать 20 февр. 1925 г., посвящен подписанию советско-японского соглашения в Пекине в ночь с 20-го на 21-е янв. 1925 г. Кроме перепечатанного из «Известий ЦИК» комментария к соглашению комиссара по иностранных делам СССР Г.В. Чичерина в рассматриваемом объединенном номере журнала помещены две статьи Е.Г. Спальвина: «По поводу советско-японского соглашения» и «Советское посольство в Токио». В первой дается критический разбор статьи о результатах японско-советских переговоров из японского журнала «Сюкан-Асахи», во второй описываются здание российского посольства в Токио и земельный участок, на котором оно расположено; при этом делается экскурс в историю российско-японских отношений и двусторонних договоров с краткой характеристикой причастных лиц с российской стороны. Кроме того в рассматриваемом объединенном номере журнала опубликованы библиографические заметки Е.Г. Спальвина о новых книгах японских авторов, а также 3-й бюллетель востоковедных поступлений библиотеки ГДУ.

В объединенном № 13-16, сданном в печать 15 марта 1925 г., заметкой Е.Д. Поливанова о советском востоковедении завершается дискуссия, начатая редколлегией в 1924 г. По мнению Е.Д. Поливанова, советское востоковедение должно стать рупором ленинизма и революции, способным «передать Востоку сигнал Октября», а методологическим стержнем его «должен служить марксистский метод»[45)]. В рассматриваемом отдельном выпуске журнала помещены краткие тезисы доклада А.В. Гребенщикова «Китай как мы его знаем» и две заметки Е.Г. Спальвина о японских экслибрисах и филателии, объединенных под общим заголовком «Культурные мелочи современной Японии». Здесь же дается список ориентальных журналов, издаваемых на русском языке, и представляется новый раздел журнала, знакомящий читателя с образцами восточной литературы в переводах. В данном отдельном выпуске журнала представлен также выполненный Е.Г. Спальвиным перевод «Песни о курсе» японского поэта М. Фукуда, которая использовалась в ходе мероприятия, посвященного 25-летию востоковедного образования во Владивостоке наряду с пьесой Б.К. Пашкова и Ци Шиси «Да здравствует пролетарская революция», написанной на китайском и русском языках.

Информационным поводом для создания объединенного номера журнала «Восточная студия» № 17-20 (сдан в печать 20 марта 1925 г.) стала смерть Сунь Ятсена. Большую часть рассматриваемого объединенного номера занимает статья Е.Г. Спальвина «Антиимпериалистическое движение

в Китае». Статья написана по материалам китайских газет и посвящена созданию и распространению в Китае Антиимпериалистической лиги. За статьей Е.Г. Спальвина следуют перепечатки материалов по указанной теме из центральных газет и телеграмма ЦК РКП с соболезнованиями китайскому народу, подписанная И.В. Сталиным.

№ 21-22 (сдан в печать 3-го апр. 1925 г.), ставший последним отдельным выпуском журнала «Восточная студия», был посвящен советско-японским отношениям в связи с подписанием в Пекине 20 янв. 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических республик и Японией. Он начинается со статьи проф. В.А. Овчинникова «К анализу советско-японских соглашений». В.А. Овчинников, рассматривая содержание документа, названного «Конвенцией», находит в тексте последнего все атрибуты мирных трактатов и отмечает, что в контексте международных отношений середины 1920-х гг. он фактически являлся документом, официально признающим СССР. Поэтому он сразу же занял надлежащее «место в ряду тех договоров, благодаря которым мир на Д.В. сохранялся на протяжении столетий»[46)]. В статье Е.Г. Спальвина «Из японских отзывов о советско-японском соглашении» даются пространные выдержки из речей японских политиков на массовом мероприятии в Токио 27 янв. 1925 г. по случаю подписания вышеупомянутой «Конвенции». В рассматриваемом объединенном номере журнала была продолжена публикация образцов японской литературы в переводе Е.Г. Спальвина. В частности, были опубликованы «Черные волосы» (*Куроками*) С. Тикамацу (近松秋江（ちかまつ しゅうこう）1876-1944), «Лошадь в юбке» японского сказочника Ивая Садзанами и «Первомайский рабочий гимн» (*Мэ:дэ: но ута*).

В статье «Десять лет востоковедения на Дальнем Востоке России (1922-1932)» А.В. Маракуев из всех публикаций «Восточной студии» выделяет только две – статью И.А. Клюкина «Этическая поэзия монгол-бурят» и объединенные общим предисловием публикации Е.Г. Спальвина и Н.В. Кюнера о японском антропологе Р. Тории[47)]. По научному значению для своего времени мы бы добавили к этому списку статьи Т.С. Юркевича «Борьба за обладание Сахалином», В.А. Овчинникова «К анализу советско-японских соглашений» и, конечно, статьи Е.Г. Спальвина по октограммной теории японского письма из объединенного № 4-5, которые вполне могли бы стать основой для написания диссертации на соискание ученой степени.

В заключение дадим краткую характеристику основных разделов журнала «Восточная студия».

Востоковедные заметки. Раздел представляет собой подборку новостей по теме «Востоковедение в СССР и за рубежом»: востоковедное образование, издание научной литературы и учебников, преподавание восточных языков, практика студентов, заполнение вакантных должностей и т.д. (Присутствует в №№ 1-2, 6, 7-9, 13-16.) Предназначен для расширения кругозора и профессиональной ориентации будущих востоковедов. № 1-2 начинается заметкой «Юбиляры востоковеде-

ния», посвященной 25-летию со дня открытия Восточного института (21 окт. 1899 г.), в которой объявляется о создании Юбилейной комиссии под председательством Е.Г. Спальвина и высказываются слова поздравления в адрес сотрудников, проработавших в Восточном институте и ГДУ 25 лет (А.В. Рудаков, П.П. Шмидт, Н.П. Таберио, И.М. Пакинтис)[48)].

Наши востоковеды. В № 3 редакция журнала «Восточная студия» «по соглашению с Юбилейной Комиссией по проведению празднования 25-летия существования на Дальнем Востоке Высшего Востоковедного Установления» обратилась к выпускникам Восточного института и восточного факультета ГДУ с просьбой дать сведения о себе, а также «об известных им товарищах» в соответствии с вопросами анкеты из 13 пунктов[49)]. В результате этой акции были опубликованы три списка (№№ 6; 7-9; 13-16), содержащие анкетные данные о 16-ти выпускниках (также указаны фамилии 10-ти умерших).

Востоковедные поступления библиотеки ГДУ. Всего было опубликовано пять бюллетеней (№№ 1-2; 6; 11-12; 13-16; 17-22), анализ которых позволяет сделать вывод о том, что 1924-25 гг. в библиотеку ГДУ поступили десятки книг по востоковедению на европейких языках. Например, в 3-ем и 4-ом бюллетенях представлены более 20 книг по китаеведению на английском, немецком и итальянском языках; в 5-ом бюллетене 11 книг на немецком языке по японоведению. Для удобства читателей и подписчиков журнала в списках литературы указывались и библиотечные сигнатуры (шифры) книг.

Имена и деятели Дальнего Востока. Раздел имеется в 4-х отдельных выпусках (№№ 6; 11-12; 17-20; 21-22). Он был «задуман ... как алфавитный справочник к встречающимся в Хронике Дальнего Востока именам собственным, личным и географическим, нуждающимся в тех или иных пояснительных примечаниях»[50)] и был призван дать читателям необходимую энциклопедическую информацию о реалиях и персонах стран Дальнего Востока в условиях отсутствия справочной литературы у большинства читателей. Из 70 словарных статей 39 были посвящены Китаю, 27 – Японии, 4 – Монголии.

Хроника Дальнего востока. Этот раздел присутствует в пяти отдельных выпусках журнала (№№ 1-2; 6; 7-9; 11-12; 21-22). Он готовился преподавателем П.С. Ануфриевым под редакцией Н.В. Кюнера по материалам иностранной прессы, которую в 1920-е гг. в большом количестве получал восточный факультет ГДУ[51)]. По-видимому, появление этого раздела было связано с попыткой возродить в журнале «Восточная студия» традиции Восточного института, издававшего в 1904-1905 гг. «Современную летопись Дальнего Востока»[52)]. «Хроника Дальнего Востока» без ссылок на источники давала краткую информацию по экономике, политике, культуре дальневосточных стран, а также по азиатской политике мировых держав и, несомненно, была полезна для читателей. Проблемой было то, что информация запаздывала, например, в № 1-2 за сент.-окт. 1924 г. давались но-

вости за июль и август, а в № 21-22, сданном в печать 3 апр. 1925 г., содержалась сводка новостей за январь того же года.

Иллюстрации и раздел «Наши рисунки». Во всех номерах журнала присутствуют рисунки, как правило, заполняющие свободные от текста нижние части страниц. На рисунках изображены уникальные реалии, актуальные события или исторические персонажи, политики, религиозные деятели стран Дальнего Востока. В разделе «Наши рисунки» даются необходимые пояснения к визуальной информации. Несмотря на технические трудности, связанные с копированием фотографий, в №№ 1-22 «Восточной студии» содержится около 50-ти иллюстраций к реалиям востоноазиатских стран, а также 10 иллюстративных обложек отдельных и объединенных номеров[53)]. Рисунки и комментарии к ним, по мнению редакции, должны были составить «легкий, но ценный багаж» восточника, придать ему «желательный внешний лоск», выработать «умение узнавать с первого же взгляда туземных героев и деятелей, богов, святых и философов, населенные пункты и прославленные ландшафты...»[54)]. По содержанию рисунки группируются следующим образом: Япония и японо-советские отношения – 39; Китай – 12; Монголия – 6: СССР – 2 (на 2-х обложках серийных изданий «Восточной студии» наряду с другими расхожими символами советской эпохи перекрещивающиеся серп и молот изображены на фоне зведы в №№ 1-6 и книги в №№ 7-22); Корея – 1; прочее – 2. Комментарии к рисункам за редким исключением написаны Е.Г. Спальвиным. Они демонстрируют высокую эрудицию первого профессионального российского японоведа, его глубокое проникновение в культуру Японии и других дальневосточных стран.

Как видим, журнал «Восточная студия» был сосредоточен в первую очередь на проблемах политики восточноазиатских стран и отношениях России с ними. Он также знакомил своего читателя с вопросами экономики, культуры и общественной жизни восточноазиатских соседей России, вводил его в проблематику российского и зарубежного востоковедения и востоковедного образования. Таким образом, издание журнала «Восточная студия» имело большое значение для новых поколений советских востоковедов. Журнал, несомненно, способствовал повышению интереса молодых людей к избранному предмету, росту учебной мотивации студентов, многие из которых к тому же непосредственно участвовали в подготовке макета журнала и его тиражировании[55)].

Заключение

Итак, мы рассмотрели обстоятельства издания журнала «Восточная студия», проанализировали его содержание и установили, что выдающуюся роль в создании журнала сыграл Е.Г. Спальвин, который был не только организатором и вдохновителем работы редколлегии, но и самым плодовитым автором. В начале 1920-х гг. для восточного факультета ГДУ учреждение собственного востоковедного журнала было актуальной задачей. Однако издание запланированных 42-х выпусков в год в условиях отсутствия издательской базы было трудновыполнимо. Это вскоре стало

очевидным и в конце концов привело к путанице в счете номеров и выпусков, которые приходилось объединять. Как мы показали, за полгода фактически было выпущено всего 10 отдельных и объединенных номеров журнала.

Журнал не удалось сделать в полном смысле научным, потому что ограниченный состав авторов, занятых интенсивной учебно-педагогической работой, вероятно, был не в состоянии обеспечить нужного количества качественных научных публикаций. Не удалось сделать «Восточную студию и массовым научно-популярным журналом ввиду отсутствия во Владивостоке массового читателя востоковедной литературы.

«Восточная студия» была не единственным востоковедным журналом на Дальнем Востоке. Существовали и другие журналы, с которыми приходилось конкурировать. Дальневосточный отдел Всероссийской научной ассоциации востоковедения с 1923 г. выпускал свой информационный бюллетень «Новый Дальний Восток». В Харбине в середине 1920 гг. издавались «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии». Статьи К.А. Харнского по экономике и политике стран Дальнего Востока регулярно печатала краевая газета «Красное знамя».

Берясь за издание «Восточной студии», Е.Г. Спальвин, по-видимому, сознательно или бессознательно пытался повторить успех «Известий Восточного института», которых за 20 лет существования Восточного института было издано более 60 томов с многочисленными отдельными выпусками и приложениями. За сравнительно короткий срок горстка исследователей-энтузиастов, прошедших академическую школу Петербургского университета, с помощью имперской бюрократии создала новое научно-практическое направление российского востоковедения, собрала богатый фактический материал по странам Дальнего Востока, опубликовала целый ряд работ мирового уровня и получила известность в России и за ее пределами.

Несмотря на отчаянные усилия Е.Г. Спальвина и его товарищей, «Восточной студии» не удалось подняться до уровня «Известий Восточного института». Тем не менее издание журнала «Восточная студия» показало, что восточный факультет ГДУ в середине 1920-х гг. обладал значительным научным потенциалом. И в новых политических условиях востоковедение на Дальнем Востоке России продолжало существовать и развиваться.

---

1) Со второй половины 1920-х гг. в документах эпизодически – ДВГУ (Дальневосточный государственный университет); после восстановления университета 1 окт. 1930 г. это название стало официальным.

2) 生田美智子「知られざる国立極東大学東洋学部の雑誌―『東洋スタジオ』―」(Икута Митико. Неизвестный журнал восточного факультета ГДУ) / Пути развития японоведения на

Дальнем Востоке России. Сборник статей и библиография // Сост. Дыбовский А.С. Осака, 2009. С. 105-113.

3) Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858-1938. Владивосток, 1985. С. 84-85.

4) Шарова Н.Л. Воспоминания // Материалы встречи 1972 г. выпускников ГДУ-ДВПИ 20-30 годов М, 1974 (рукопись). Цит. по Дальневосточный государственный университет. История и современность. Часть 1. 1899-1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1997. С. 61.

5) Оформившееся в окт. 1906 г. (Або. Финляндия) радикальное движение русских социалистов, занимавшее промежуточное положение между анархистами и эсерами. В 1920 г. часть вошла в ВКП(б), другая часть объединилась с левыми эсерами. См. например, электронный ресурс: http://interpretive.ru/dictionary/462/word/maksimalisty

6) Тоидзуми Ёнэко. Сирень и война. Владивосток, 2001. С. 34.

7) Дальневосточный государственный университет. История и современность. Часть 1. 1899-1939. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1997. С. 62-64.

8) См. Моргун З.Ф. Японоведение в ДВГУ в 20-30-е годы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного ун-та. Владивосток, 2000 г. С. 108-109.

9) Подробнее см. Моргун З.Ф. Несколько штрихов к портрету Е.Г. Спальвина на фоне владивостокского пейзажа // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2007. С. 120-127.

10) Хияма К. *Урадзио ниппо: со:рицуся Идзуми Рёноскэ* (『ウラジオ日報』創立者和泉良之助) – Основатель газеты «Урадзио ниппо» Р.Идзуми. Токио, 1981. С. 93-94.

11) О жизни Е.Г. Спальвина подробнее см. Ермакова Э.В., Дыбовский А.С. Е.Г. Спальвин: страницы биографии // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2007. С. 1-44.

12) Всероссийское общество культурных связей с заграницей.

13) Ермакова Э.В., Георгиевская Е.А. Восточный факультет в 20-30 гг. // Известия Восточного института Дальневосточного государственного ун-та. Владивосток, 1994 г. С. 53.

14) Там же.

15) Там же.

16) Там же.

17) См. «Известия Восточного факультета». Т. XLVI. Вып. 3. Этот факультетский журнал выходил как продолжение «Известий Восточного института».

18) См. например, Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Электр. ресурс: http://memory.pvost.org/pages/matsokin.html

19) «Новый Дальний Восток». 1923 г. № 1. С. 52.
20) См. З.Ф. Моргун. Японоведение в ДВГУ в 20-30-е годы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного ун-та. Владивосток, 2000 г. С. 108.
21) Там же.
22) «Восточная студия» № 1-2. С. 2.
23) Там же. С. 3-4.
24) Гребенщиков А.В. Задачи и цели кабинетов востфака // Восточная студия. № 1-2. С. 17.
25) Там же. С. 18.
26) См., например, Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1999. С. 73-75.
27) Гребенщиков А.В. Задачи и цели кабинетов востфака // Восточная студия. № 1-2. С. 17.
28) «Восточная студия» № 3. С. 55.
29) Там же.
30) Там же. С. 54.
31) К.А. Харнский был временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой. На этом посту его вскоре сменил проф. В.А. Овчинников.
32) «Восточная студия» № 3. С. 60.
33) Владивосток, 1925 г. 13 стр.
34) «Восточная студия» № 13-16 // Особое приложение. С. 2.
35) «Восточная студия» № 1-2. С. 5.
36) Там же. С. 2-3.
37) «Восточная студия» № 13-16 // Особое приложение. С. 1-5.
38) Там же. С. 5.
39) «Восточная студия» № 13-16. С. 259.
40) Новый Дальний Восток. 1923 г. № 1. С. 17-22.
41) На титульном листе впервые появляется оглавление на английском языке.
42) После публикации в № 3 материалы КАБДЕКа также только однажды появились в № 6 (С. 149-152).
43) «Восточная студия» № 7-9. С. 158.
44) Там же. С. 219.
45) «Восточная студия» № 13-16. С. 262.
46) «Восточная студия» № 21-22. С. 321-332.
47) См. Вестник ДВ отделения Академии наук СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1-2. С. 31-42.

48) «Восточная студия» № 1-2. С. 24.

49) «Восточная студия» № 3. Приложение. С. Ⅰ - Ⅱ .

50) «Восточная студия» № 6. С. 139.

51) Например, в 1925 г. восточный факультет получал следующие японские газеты: *Japan Times, Japan Advertiser, Osaka Mainichi* ;『ウラジオ日報』,『時事新報』,『官報』,『大阪朝日新聞』,『報知新聞』; журналы:『文芸倶楽部』,『現代』,『エコノミスト』. Для сравнения скажем, что в начале 1970 гг., кафедра японской филологии ДВГУ получала только журнал «Советский Союз сегодня» (『今日のソ連邦』), а кафедра японской филологии МГУ в конце 1970 гг. только газету японских коммунистов «Красное Знамя» (『赤旗』).

52) Подробнее см. Ермакова Э.В., Дыбовский А.С. Е.Г. Спальвин: страницы биографии // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2007. С. 22-23.

53) Если добавить к этому две обложки с рисунками на серийных выпусках журнала и одну обложку с рисунком на выпуске учебной серии, упоминавшейся выше, получится всего 63 рисунка.

54) «Восточная студия» № 1-2. С. 37.

55) Например, в фальцовке и брошюровке первого и второго серейных изданий принимали участие 34 чел. См. титульный лист 2-й серии. №№ 7-22. Дек. 1924 - март 1925.

Приложение 1. Десять отдельных выпусков журнала «Восточная студия» №№ 1-22

1. Объединенный № 1-2 (КАБРЕД; вып. 1-2, стр. 1-40).

Содержание: 1) От редакции: задачи «Восточной студии»; 2) Наша анкета: взгляд на востоковедение представителей общественности; 3) проф. А.В. Гребенщиков. Задачи и цели кабинетов востфака; 4) Что требует центр от наших молодых востоковедов; 5) Востоковедные заметки; 6) Восток и кино; 7) Хроника Дальнего Востока; 8) Наши рисунки.

2. Отдельный № 3 (КАБДЕК: вып. 1, стр. 41-65)

Содержание: Часть официальная: 1) Положение о научных работниках вуза; 2) Положение о порядке оставления при вузах, где нет научно-исследовательских институтов для подготовки к научной работе; 3) Проверка академической успешности студентов; 4) Списки заведующих кафедрами Восточного факультета; 5) Состав предметных комиссий к 1 авг. 1924 г. ; 6) Список студентов востфака на 15 июля 1924 г.; 7) Пополнение восточных отделов библиотеки ГДУ в 1923-1924 гг.; 8) Стоимость оборудования кабинета японоведения к 1-му сент. 1924 г.; 9) Постановление правления ГДУ об издании «Восточной студии»; 10) Извлечение из протокола № 1 редколлегии «Восточной студии»; 11) Извлечение из временного положения об издании

«Восточной студии»; Неофициальная часть: 12) Улучшение положения высшего образования; 13) Государственные испытательные комиссии; 14) Студенты на ректорском совещании вузов Москвы; 15) Наши рисунки.

3. Объединенный № 4-5 (КАБЯПВЕД: вып. 1-2, стр. 66-104)

Содержание: 1) Е.Г. Спальвин. К характеритике японцев; 2) Т.С. Юркевич. Борьба за обладание Сахалином; 3) Е.Г. Спальвин. Октограммная система изучения катаканы; 4) Е.Г. Спальвин. Графический алфавит катаканы; 5) Темы для рефератов по японскому языку и письменности; 6) Темы для кружка японоведения; 7) Наглядные учебные пособия кабинета японоведения; 8) Наши рисунки.

4. Отдельный № 6 (КАБРЕД: вып. 3, стр. 105-152)

Содержание: 1) Наша анкета – продолжение: Т. Доценко. Почему нам нужно изучать восток; Т.Фельдман. Дальневосточная проблема и востоковедение; 2) Востоковедные заметки; 3) Наши востоковеды (анкета); 4) Е.Г. Спальвин. Руки прочь от Китая; 5) В.Маяковский Прочь руки от Китая; 6) Н.В. Кюнер. Что читать о Китае; 7) Хроника Дальнего Востока; 8) Имена и деятели Востока; 9) Наши рисунки.

5. Объединенный № 7-9 (КАБРЕД: вып. 4-6, стр.153-201)

Содержание: 1) А.В. Гребенщиков. К истории нашего востоковедения; 2) И.А. Клюкин. Этническая поэзия монгол-бурят; 3) П.К. Козлов. О работах тибетской экспедиции; 4) Е.Г. Спальвин. К советско-монгольским отношениям; 5) Хроника Дальнего Востока; 6) Обрашение просвещенцев СССР к просвещенцам Китая; 7) Наши востоковеды (анкета); 8) Востоковедные заметки; 9) Имена и деятели Востока; 10) Хроника Дальнего Востока; 11) Наши рисунки.

6. Отдельный № 10 (КАБИСТКУЛЬТ: вып. 1, стр. 202-223)

Содержание: 1) Е.Г. Спальвин. Н.В. Кюнер. Этнография, археология и антропология Восточной Азии в научных трудах и исследованиях Р. Тории: Ⅰ. Е.Г. Спальвин. Новая книга проф. Р. Тории; Ⅱ. Н.В. Кюнер. О научной и исследовательской деятельности Р. Тории; 2) Н.В. Кюнер. Востоковедение и трудящиеся СССР (тезисы доклада); 4) Наши рисунки.

7. Объединенный № 11-12 (КАБРЕД: вып. 7-8, стр. 224-257)

Содержание: 1) Тов. Чичерин. О договоре с Японией; 2) Проф. Спальвин. По поводу советско-японского соглашения; 3) Проф. Спальвин. Советское посольство в Токио; 5) Хроника Дальнего Востока; 6) Из книжных новинок Японии; 7) Востоковедные поступления в библиотеку ГДУ; 8) Наши рисунки; 9) Имена и деятели Востока.

8. Объединенный № 13-16 (КАБРЕД: вып. 9-12, стр. 258-285)

Содержание: 1) От редакции. Об упорядочении отдельных выпусков; 2) Наша анкета

(продолжение): Е.Д. Поливанов. Какое место займет востоковедение в социалистическом строительстве Союза СССР; 3) Комсомол в Китае (Правда № 289 от 19.12.24) 4) А.В. Гребенщиков. Китай, как мы его знаем; 5) Ориентальные журналы; 6) Е.Г. Спальвин. Культурные мелочи современной Японии; 7) Г. Иосифов. Археологические находки в Амурской губернии; 8) М. Фукуда в переводе Е. Спальвина. Песнь о курсе; 9) В.К. Пашков и Ци Шиси. Да здравствует пролетарская революция; 10) Наши востоковеды (анкета); 11) Востоковедные заметки; 12) Наши рисунки; 13) Настоящим и будущим подписчикам «Восточной студии» (Особое приложение).

9. Объединенный № 17-20 (КАБРЕД: вып. 13-15, стр. 286-317)

Содержание: 1) Е.Г. Спальвин. Антиимпериалистическое движение в Китае; 2) Смерть Сунь Ятсена (подборка сообщений советских газет); 4) Имена и деятели Востока; 5) Востоковедные поступления в библиотеку ГДУ; 6) Наши рисунки.

10. Объединенный № 21-22 (КАБРЕД: вып. 16-18, стр. 318-368)

Содержание: 1) В.А. Овчинников. К анализу советско-японского соглашенения; 2) Е.Г. Спальвин. Из японских отзывов о японо-советском соглашении; 3) Образцы японской литературы в переводах Е.Г. Спальвина. Черные волосы (*Курокамы*); Первомайский рабочий гимн (*Мэ:дэ: но ута*); Садзанами. Лошадь в юбке; 4) Хроника Дальнего Востока; 5) Имена и деятели Востока; 6) Наши рисунки.